

Наследный принц Великого Лян, Юань Хэн, силой принудил императора к отречению. Объявив Восточный дворец оплотом власти, он возвёл на престол Мужа-правителя — мужчину, чем навёл в поднебесной обители невероятную смуту.

Три года назад, едва оправившись от тяжелейшего недуга, принц переменялся до неузнаваемости: стал жестоким, своенравным и, движимый безудержной жадой крови, неоднократно лично водил войска на юг, на завоевание земель Шу.

Муж-правитель, Сяо Цзыюй, сам был уроженцем Шу, отчего дворец полнился ядовитыми слухами. Впервые за три года Сяо Цзыюй показался на людях: одинокий и хрупкий, он день и ночь стоял на коленях перед Залом Лазурных Облаков, моля Наследного принца отозвать указ о походе. Но Юань Хэн, до зари обсуждавший с советниками военные планы, так его и не принял.

В день, когда пали земли Шу, в Восточном дворце вспыхнул пожар. Вернувшись с поля битвы в лёгких доспехах, Юань Хэн застал лишь панику и клубы чёрного дыма, рвущиеся к небесам.

— Пожар!

— Спасайте Мужа-правителя!

Среди бушующего пламени проступал тонкий, но непоколебимо прямой силуэт. Сяо Цзыюй бессильно опустился у главной колонны, всё ещё сжимая в руке половинку дворцового фонаря. Горячее масло плеснуло на драгоценную парчу, и огонь мгновенно пожрал тяжёлые шелка.

Юань Хэн одержал великую победу — подлинный повод для торжества. Но в бушующем аду Сяо Цзыюй выглядел смертельно бледным. В его опущенных фениксовых глазах плясали отсветы оранжевого пламени.

Едкий дым жёг лёгкие, треск горящих балок становился всё глуше. Сознание угасало, когда сквозь гул огня донёсся отчаянный крик:

— Его Высочество вернулся!

Грохот тяжёлых шагов, запертые двери с треском рухнули, и оседающий Сяо Цзыюй упал в объятия, пахнущие железом и кровью.

— Сяо Цзыюй! Открой глаза, слышишь! — взревел Юань Хэн.

Тот, к кому он безнадежно взывал столько дней, наконец был рядом — но слишком поздно. Опалённые лёгкие разрывала боль. Стоило Сяо Цзыюю разомкнуть губы, как горлом пошла алая пена.

— Ваше Высочество... — с трудом выдавил он, вымаливая прощение. — Мне следовало умереть ещё три года назад... Я цеплялся за жизнь лишь потому, что... сердцем оставался с вами...

— Умереть?! Кто позволил тебе умирать! — взревел Юань Хэн, точно загнанный зверь. — Ты обещал остаться со мной до конца!

В ушах Сяо Цзыюя стоял сплошной звон, он не разбирал слов. От невыносимой муки его пальцы судорожно впились в стальные пластины доспеха на груди принца.

— Я... виноват перед Вашим Высочеством. Если эти три года... хоть немного утолили вашу ненависть, я молю... молю лишь об одном: пощадите народ Шу...

— Сяо Цзыюй, ты лжёшь! — Юань Хэн пытался стереть кровь с его губ, но та лилась непрерывным потоком. Руки принца дрожали, в голосе звучали панические ноты: — И ты... и ты бросаешь меня?!

— Грешный слуга Сяо Цзыюй искупает вину смертью... — Пальцы ослабли и соскользнули с доспеха. Взор, прежде чистый и ясный, затянуло смертной пеленой. Лишь тихий, рвущий душу шёпот растаял в дыму: — Но в чём виноваты простые люди?..

Он словно погрузился на дно непроглядного омута и одновременно воспарил в вышине. Чувства угасали. Измученное многолетней болезнью тело впервые за долгое время обрело лёгкость.

Сколько длилось это падение сквозь тьму, он не знал. Душа, казалось, раскололась на фрагменты, но так и не истаяла без следа. Сяо Цзыюй судорожно рванулся из небытия — и перед глазами вспыхнул ослепительный, переливающийся сгусток света. Прежде чем он успел осознать происходящее, веки рывком распахнулись, будто от кошмарного сна.

«Любовь — это магия, мы кружимся в танце, днём и ночью думая о тебе...»

— Господин Хуан, будете шампанское или виски?

— Эй, переключай, следующая моя!

Вокруг царил оглушительный, чужеродный шум.

Сяо Цзыюй прищурился. Вспышки света не исчезли — разноцветные сполохи метались по лицам людей, создавая атмосферу дикой, развратной вакханалии. Даже на празднике фонарей Юаньсяо ему не приходилось видеть подобного буйства красок.

Люди вокруг извивались, словно в припадке, некоторые полуобнажённые с безумным видом крутились возле стального шеста.

Он осторожно приложил ладонь к груди. Никакой тяжести, застарелая боль, мучившая его годами, бесследно пропала. Сяо Цзыюй не знал, сколько провёл в неведении — в памяти запечатлелся лишь всепожирающий огонь в главном зале... Он ведь должен был умереть.

Где он?

Сяо Цзыюй не считал себя праведником и понимал, что вряд ли попадёт в Чистую Землю. Неужели... это преисподняя?

Прежде чем он успел опомниться, сбоку вытянулась жирная, короткопалая клешня и хозяйски сгребла его за талию, притягивая к себе.

Сяо Цзыюй мгновенно пришёл в движение. Более десяти лет занятий боевыми искусствами в театральной школе Линюань ввелись в его плоть и кровь. Сообразив мгновенно, он перехватил чужую кисть, точным движением обратил чужую силу против нападающего и, изогнувшись гидрой, выскользнул из захвата, заломив обидчику руку за спину.

Толстяк огласил помещение визгом недорезанной свиньи:

— Мать твою, что происходит?! Мэн Лэюй?!

Тот, к кому обратились, сам будто призрака увидел. Сяо Цзыюю ещё в пять лет поставили аутизм; сколько его помнили в семье Мэн, он всегда оставался тихим, слабоумным калекой, с которым можно было делать что угодно. Откуда у него взялись такие навыки?!

Мэн Лэюй подскочил и силой оттащил юношу, недоумевая, откуда в этом худом, тонком запястье столько дури.

— Сяо Цзыюй, ты совсём из ума выжил?! — рявкнул он по привычке, отводя его в сторону. — Босс Хуан просто решил с тобой пошутить! Какая муха тебя укусила?!

Обычно от подобного крика Сяо Цзыюй вжимал голову в плечи и дрожал от страха. Но сейчас в его прежде мутных, остекленевших глазах разгорался живой, пронзительный свет.

Ясный, чистый взгляд смерил крикуна. Сяо Цзыюй заговорил, и в его тоне прозвучала ледяная, надменная аристократичность:

— Кто ты такой?

В этой холодной сдержанности чувствовалась привычка повелевать.

Мэн Лэюй впервые слышал, как говорит его сводный братец, и уж точно не ожидал подобного тона.

Чтобы выбить себе главную роль, он с трудом заманил Босса Хуана на эту встречу. Узнав, что тот падок на утончённых юношей, Мэн Лэюй нарочно приволок Сяо Цзыюя в качестве развлечения. И надо же было этому придурку взбеситься в самый ответственный момент!

— Кто я?! Я твой брат! — Мэн Лэюй ткнул пальцем ему в лицо. — Семья столько лет тебя кормила и поила, а ты, оказывается, всё это время притворялся дурачком, чтобы потом прикусить кормящую руку?! Слушай сюда, Сяо Цзыюй! Если ты сегодня не ублажишь Босса Хуана, вылетишь из дома на улицу, и хрен тебя кто подберёт!

Сяо Цзыюй слегка нахмурился. Человек перед ним знал его имя, но сам он не имел о нём ни малейшего представления. А этот Босс Хуан явно был скотом в человеческом облике. Будь Мэн Лэюй действительно его сородичем, разве стал бы он толкать близкого в руки чудовища?

Не понимая до конца, где находится, Сяо Цзыюй запоминал каждое слово. В глянцевой поверхности тёмного стола отпечатались его лик — черты лица остались прежними. Не желая тратить время на ссоры, он поднялся, намереваясь немедленно покинуть это сомнительное место.

Заметив, что добыча уходит, корчившийся на диване Босс Хуан резво взмыл вверх, точно очухавшаяся туша, и прорычал сквозь зубы:

— Ударил меня и сбежать вздумал?! Пока не замолишь грехи, сука, хрен ты выйдешь из «Ланьюаньфан»!

Потирая ноющую руку, он не скрывал свирепой похоти и ярости. Мэн Лэюй обещал, что Сяо Цзыюй — глухонемой и безответный идиот, который и слова связно вымолвить не способен. Возьми его — и он даже не пикнет! Босс Хуан воцарился этого мальчишку несколько дней, а жареная птица взяла и вырвалась из рук.

Фениксовые глаза Сяо Цзыюя обдало ледяным презрением. Он не намеревался слушать угроз, но стоило ему шагнуть к выходу, как путь преградили дюжие молодчики в чёрном.

Даже в Великом Лян сам Наследный принц Юань Хэн не мог удержать его силой.

Сяо Цзыюй тихо перевёл дыхание. Костяшки пальцев побелели от напряжения, но прежде чем он успел нанести удар, его резко оттолкнули в сторону.

— Я управляющий заведением, зовите меня просто Сяо Чжан. Второй молодой господин в

верхней ложе. Не извольте беспокоиться, сегодня он выпил строго в меру.

Толкнувший его человек был одет в строгий тёмный костюм и держался словно услужливый управляющий. За ним же шёл статный муж — широкоплечий, тонкий в талии, с безупречной выправкой. В разноцветных всполохах неоновых светов его фигура отбрасывала тяжёлую тень, а давящая, угрюмая аура ощущалась ещё до того, как удавалось разглядеть лицо.

Сяо Цзыюй застыл посреди прохода точно отточенный клинок. Лицо замерло ледяной маской, слегка вьющиеся кончики волос касались плеч, и он даже не думал уступать дорогу. Юноша спокойно вскинул взор, встретившись взглядом с незнакомцем, и в то же мгновение его пробила крупная дрожь!

Хоть волосы того были коротки, а императорские одеяния сменились современной одеждой, эти резкие, хищные черты лица невозможно было спутать ни с чем. Сяо Цзыюй до смертного часа помнил ястребиный, пронзительный взгляд и горбинку на переносице, каждый изгиб которой он когда-то оглаживал пальцами.

Это был Юань Хэн.

Оказавшись после гибели в неизвестном месте, он вновь явственно ощутил всю сладость и весь кошмар своей прошлой жизни.

Сяо Цзыюй мгновенно утратил былую невозмутимость. Если даже после смерти ему суждено снова видеть Юань Хэна... значит, он и впрямь угодил в самый жуткий ад.

<http://bllate.org/book/20597/2105626>